

**ФОЛЬКЛОРНАЯ КАРТИНА МИРА
В ТВОРЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ПРОЗАИКА**

С.С. Фолимонов

*к.ф.н., доцент кафедры русского языка и профессиональной коммуникации
Саратовской государственной юридической академии*

Саратов, Россия

kruzo72on@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18101043>

***Аннотация.** В статье рассматривается эстетический потенциал традиционного фольклора и особенности его использования в современной реалистической прозе. На материале произведений разных жанров (роман, повесть, нон-фикшн) демонстрируется эффективность художественного осмысления актуальных проблем средствами народной культуры.*

***Ключевые слова:** фольклор, символика, соборность, этнопсихология, культурный код.*

Эпоха тотальной глобализации, охватившая все сферы интеллектуальной и духовной жизни современного человека, поставила под угрозу сохранение и развитие национальных культур, аккумулирующих знания и представления об окружающей действительности, накопленные малочисленными народами (или теми, что в силу определенных исторических обстоятельств были подвержены инокультурному влиянию), их мировосприятие и особенности этнопсихологии. Это объясняется тем, что в традиционных обществах «отсутствуют современные механизмы удержания, хранения и передачи коллективного опыта», кроме слова и ритуала [4, с. 7], а внутри некоторых крупных этносов возникает стремление новых поколений к отрыву от основного этнического ядра.

Удельный вес этнокультурного материала в информационном поле имеет тенденцию к неуклонному снижению. Параллельно с этим процессом вырабатываются стереотипы во взгляде на национальное наследие как на что-то второстепенное, сохраняемое вследствие культурно-исторической инерции, но, по существу, утратившее эстетическую значимость перед лицом новых художественных форм. Скептическому отношению к национальным культурам немало способствовали принципы постмодернистского искусства, превратившие область художественной мысли в хаотичную игру смыслов, перелицовывание известных образов, сюжетных ходов, расхожих афоризмов, функционирующих в сознании автора на правах элементов интеллектуального пазла, где главной скрепой выступают ирония и сарказм, граничащие с цинизмом (выражающим «протестную позицию маргинального субъекта» [1, с. 5]) и таким образом сохраняющие его репутацию в условиях всеобщей

литературности и парафрастичности. Наряду с этим следует понимать, что современная литература, отказавшись от роли воспитателя человека и гражданина, духовно зрелой личности, стремящейся к поиску себя и своего места в социуме, стала способствовать дискредитации идеалов, сложившихся на протяжении длительного периода национальной истории и зафиксированных в прецедентных текстах.

На этом фоне в последние годы востребованным и перспективным видится обращение к классическим традициям в использовании устного народного творчества в качестве источника вдохновения и инструмента образного воплощения современной художнику реальности в произведениях российских прозаиков разных поколений. Традиции фольклорно-литературных взаимовлияний складывались в русской литературе на протяжении нескольких столетий и представляют собой сложный симбиоз средств и приемов эстетизации, захватывающий такие глубинные сферы творчества, как авторское сознание, художественное зрение, феномен индивидуального стиля. Современные российские прозаики чаще всего обращаются не к конкретным устно-поэтическим жанрам (подобные творческие эксперименты, как правило, нацелены на расширение жанровых границ). В фокусе их внимания оказывается народная культура в целом, с ее этнографической составляющей, особенностями национального коммуникативного поведения, с отголосками культурной памяти, отсылающей к истокам самобытности народа и актуализирующей глубинные пласты национального самосознания. Таковы, например, художественные функции фольклорных претекстов в романе А.В. Дмитриева «Крестьянин и тинейджер».

Пытаясь передать растерянность русского человека на перепутье времен и культур, писатель обращается к образу лешего, олицетворяющего собой первобытное стихийное зло, чья сила в необъяснимости и непредсказуемости, порождающей страх. Сложность авторской задачи заключается в необходимости отыскать механизмы психолингвистического феномена, управляющего речевым поведением маргинализированного героя Вовы, у которого новые законы и условия городской жизни вызывают культурный шок. В результате он утрачивает способность к конструктивному, осмысленному диалогу, сложившееся у него языковое сознание тонет в новоязе 1990-х: «Вова ... принимался вновь выкрикивать своими новыми словами непонятное: о жизни гребаной, в которой утром клево, вечером – голимо, и о туфте, которую тебе любой убогий крендель берется впарить по пять раз на дню, и о совковых чмо в отстое ...» [3, с. 37]

Образ лешего в комплексе с коммуникативным пространством, где он, согласно народным поверьям, обитает, дает возможность ввести в художественное повествование жанр заклинания, используемый селихновскими крестьянками в те моменты, когда они ощущали себя во власти потусторонних сил. Описание обрядовых действий, восходящих к древним вакхическим ритуалам, создает яркий, эмоциональный образ и вместе с тем содержит разгадку психологического состояния персонажа: «Соберутся в кучу на полянке, все догола разденутся и встанут во все стороны: кто задом, а кто срамом, кто – титьками вперед, кто – враскоряку, тут главное, чтоб неприличнее, чтобы стыдней до невозможности; еще слова ему кричат, какие попаскуднее, и голосами самыми противными. Бедняга леший в страшном ужасе ускакивает к себе в дупло или в болото, а наши бабы одеваются спокойно и запросто выходят на Селихново, будто и вовсе не плутали» [3, с. 38].

На глубоком художественном осмыслении народной психологии построена повесть В.Г. Гурьянова «И дал Бог силы». В центре внимания автора русский крестьянин, переживающий вместе со всем сельским миром трагические перипетии истории XX столетия, но, несмотря на тяжелые испытания, сохраняющий идею соборности как основополагающую концепцию национальной идентичности. Используемый писателем материал тем более ценен, что является частью собственного культурного опыта (В.Г. Гурьянов, будучи журналистом, в молодые годы объездил всю Саратовскую область – основное место действия повести).

Рисуя психологические портреты персонажей, прозаик органично использует пословицы, поговорки («сор из избы выносить», «черного кобеля не отмоешь добела»), ассоциативно связывает их с былинными и сказочными героями (Никитой Селяниновичем, Ильей Муромцем). Однако чаще всего он опирается на типичные поведенческие реакции, обусловленные национальными традициями, своеобразием мировосприятия русского человека.

Главный герой В.Г. Гурьянова крестьянин Тимоха – символ русской души, страдающей от несовершенства мироустройства, и в то же время готовой бескорыстно жертвовать собой ради интересов родных, близких, коллектива, большой страны. Психологическая доминанта народного характера, персонализированного в образе крестьянина, заключается в стремлении жить по совести, оберегать душу от уныния, обиды и ненависти. Подобно сказочным героям, он проходит ряд испытаний (война, плен, клевета, одиночество, отверженность), но сохраняет способность любить. Лейтмотивом повести служит легенда об ангеле-хранителе, являющемся Тимохе в минуты отчаяния и смертельной опасности: «Снова ангел-хранитель раскрыл над Тимофеем свои

крылья, в последний миг отвел его от бездны, не позволил содейть душегубство над собой. Груня прибежала и крикнула в последний миг ...» [2, с. 16].

Фольклорно-мифологическая символика позволяет современным авторам «обживать» пространство собственной памяти в автобиографических сочинениях со свободным композиционным членением, относящихся к литературе non-fiction. Отсутствие вымысла ставит писателя перед необходимостью добиваться максимальной искренности [5, с. 9], исповедальности, что в свою очередь предполагает совершенно иной уровень художественной рефлексии (самопогружения и самопонимания).

Среди современных прозаиков, удачно применяющих такие средства, следует выделить Я.Г. Удина (Я.Г. Манджияна). В последней книге «Лавка керосинщика» он последовательно развивает мотив утраченной малой родины, проецируя его на легенду о земле обетованной, вновь обретаемой и интегрируемой в современную систему ценностей.

Реконструируя пространственно-временной континуум далеких детских лет, проведенных в маленьком удинском селе, он обращается к ярким символам, имеющим фольклорные и мифологические истоки. Примечательно при этом, что писатель старается использовать изобразительно-выразительные ресурсы народной культуры, не разделяя ее по национальному признаку. В создаваемом им художественном мире на равных сосуществуют русский, удинский, грузинский, еврейский и другие национальные формы устного творчества. Он воспринимает фольклорную картину мира как некий универсум. И хотя собственную миссию литератор всегда видел в восстановлении и популяризации удинских культурных традиций (отсюда и псевдоним автора), тем не менее через все творчество у него красной нитью проходит идея консолидации народов. В экспериментальном авторском жанре «затравок» Я.Г. Удин проводит сравнительный анализ отдельных лексем из удинского, русского, татарского, цыганского языков. В них он интуитивно пытается уловить некие первообразы, стоящие за звуковыми комплексами тех или иных слов, их культурное и духовное первородство, первоединство смыслового, визуального и аудиального, когда этнос – это не границы и обособленность, а лишь часть целого, требующего мудрого и неторопливого постижения.

Наиболее значимым мифопоэтическим образом-символом в литературном наследии Я.Г. Удина следует считать дерево. Как известно, мировое древо – один из ключевых элементов космоса в мифологическом и фольклорном сознании у всех народов. С его помощью «воедино сводятся общие бинарные смысловые противопоставления, служащие для описания основных параметров мира» [6, с. 398]. Разрабатывая смысловой комплекс мирового древа в

контексте истории отдельно взятого человека и малочисленного кавказского народа, в результате цивилизационных сдвигов оторванных от земли предков, обреченных на вечное сиротство (писатель неоднократно обращается к этой мысли на разных этапах творческого пути), Я.Г. Удин таким образом пытается вернуться к себе настоящему, чтобы ощутить гармонию с окружающим и самим собой.

В авторской интерпретации мировое древо – это чаще всего ореховое дерево (хотя другие породы деревьев тоже включаются в мифосимволический круг), находящееся в центре двора, где жили родители. Вокруг него, под его ветвями вершились судьбы родных и близких, орех видел этапы взросления маленького удинского мальчика, был наперсником тайн, открытий и разочарований. Ореховое дерево – центр удинской вселенной. «Где бы ни встретились два удина, – замечает автор, – если один приехал из родного села, другой обязательно в первую очередь поинтересуется:

– Как в этом году с орехами?» [7, с. 283].

Ореховое дерево, являясь катализатором культурных смыслов, порождает и направляет повествование, служит скрепой образов и сквозных мотивов. В финале книги оно выступает вечно возобновляемой силой бытия, которая оставляет книгу жизни всегда открытой: «... тут с дерева упал орех – тук, потом второй – тук, потом третий – тук, и тремя этими точками оставим книгу открытой: пусть всяк завершит ее на свой лад» [7, с. 347].

Как видим, фольклорная картина мира, вербализованная в сохранившихся памятниках народной словесности, не утратила присущего ей эстетического потенциала. Содержащиеся в ней образность, ценностные ориентиры, отсылки к культурной памяти, наконец, авторитет этнотрадиций, дают импульс для реализации современных художественных идей, помогают формированию национальной идентичности.

Литература

1. Гукова А.В. Современный цинизм как форма критически-рефлексивного мировоззрения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 44. – С. 5–10.
2. Гурьянов В.Г. И дал Бог силы // Молодая гвардия. – 2023. – № 4. – С. 12–98.
3. Дмитриев А.В. Крестьянин и тинейджер. – М.: Время, 2013. – 320 с.
4. Зыкин А.В. Социально-философский анализ традиционной культуры малых народов Сибири в сопоставлении с русской // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета. – 2015. – № 5. – С. 7–10.
5. Казакова Г.М. Нон-фикшн в современной книжной культуре // Вестник культуры и искусств. 2016. – № 3. – С. 7–12.
6. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – Т. 1. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – 671 с.
7. Удин Я.Г. Лавка керосинщика. – Саратов: МарК, 2021. – 352 с.